

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ПРОБЛЕМАТИКЕ
ВИДОВ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

Й. Бихари

1. В последнее время большой критике подвергается т. наз. "классическое" определение видов глагола, согласно которому для формы глагола совершенного вида характерно то, что действие, выраженное им, ограничено, достигает конечного предела, в то время как для формы глагола несовершенного вида это не характерно. Такое определение оказывается узким в теоретическом отношении, к тому же оно является неудовлетворительным и в практическом употреблении русского языка иностранцами. Дело в том, что рассматриваемые дефиниции не могут дать характеристики, например, нейтральным случаям употребления глагольных форм, транспозиции и, пожалуй, случаям асемантического употребления этих форм. Об анализе одного такого случая речь пойдет ниже.

2. Рассматриваемые ниже глаголы при выражении начала действия по сравнению с содержанием предыдущего предложения характеризуются определенным дополнительным смысловым оттенком: а/ Все заняли свои места. Можно отправляться; б/ Уже ровно девять часов. Надо начинать урок; в/ Все уже высказались. Можно собрание закрывать; г/ Сейчас начнется фильм. Надо включать телевизор. В этих случаях нерусские на основе вышеприведенного определения формы глагола несовершенного и совершенного вида не могут употреблять форму глагола несовершенного вида. Мало того, имеются налицо все основания для употребления формы совершенного вида.

Действительно, на первый взгляд кажется, что все приведенные выше примеры как бы соответствуют общей характеристике глаголов совершенного вида, которую обычно называют качественным признаком: кажется, что действие завершается в любом

отдельном случае, достигает своего предела, причем и потому, что в контексте действия по времени следуют один за другим и полностью исчерпываются, -- ведь автобус может отправиться, скажем, лишь после того, как все пассажиры заняли свои места; логично можно думать о закрытии собрания после того, как уже высказали свое мнение и т.д. И, как известно, ход событий, когда одно завершенное действие сменяется другим завершенным действием, требует употребления именно формы совершенного вида. /ср.: Подул легкий ветер, темная туча покрыла небо, сверкнула молния, раздался гром; Когда ученики окончили школу, они уехали в летний лагерь/.

Бесспорно, в вышеупомянутых случаях должна употребляться форма несовершенного вида, вследствие чего возникает как бы противоречие между формой глагола и содержанием, который он выражает /содержание включает в себя завершенность действия, одноразовую сущность/.

Для того чтобы нерусские правильно толковали эту проблему, рекомендуется исходить из количественной характеристики глагольных видов, иными словами, действие должно рассматриваться во времени в ходе процесса или повторяемости. Если говорить конкретнее, здесь уместно сослаться на аналогию с т. наз. фазисными /периодическими/ группами глаголов, то есть рассмотреть такие глаголы, в которых содержится начало, процесс и окончание действия и, вследствие этого, действие может быть выражено лишь формой несовершенного вида. Наряду с этим следует заметить, что количественная характеристика действия является понятием более высокого ранга, чем понятие фазисного глагола. А именно: если глаголы спать, начать, продолжать и др. обозначают действие в своем процессе, то глагол кончать выражает прекращение действия, так как оно достигло конца; вместе с этим логично, что этот глагол относится скорее к семантике глагольных форм совершенного вида. Включе-

ние подобных глаголов в группу фазисных глаголов, таким образом, является результатом грамматической абстракции, которая превалирует над лексическим значением, присущим этому глаголу.

Как бы то ни было, глаголы, выражающие оттенок начала действия, на основе количественной характеристики глагольного вида совпадают с фазисными глаголами; это характерно для всех глаголов.

Очевидно, аналогии могли бы способствовать здесь, с одной стороны, подходу фазисного значения начала действия, а с другой стороны -- переходу одного действия в другое, уже завершённое действие, к которому можно или должно приступить. Другими словами, кажется, что во внутренней структуре уже упомянутых глаголов, которые выражают оттенок приступа к действию, как правило, присутствует фазисный глагол начинать. Этот глагол в следующем предложении предполагает употребление формы несовершенного вида; напр. В нижеследующей поверхностной структуре: "До отъезда остался один день. Надо укладывать вещи". "Все уже пообедали. Можно убирать посуду." в глубине плоскости соответствуют структуры с глаголом начинать во второй части, которые указывают на появление содержания первой части: "Надо начинать укладывать вещи"; Можно начинать убирать посуду. Правда, не всегда имеется возможность непосредственно продемонстрировать наличие фазисного глагола, ср.: "Все пришли? можно начинать урок" /нельзя сказать: можно 'начинать начинать' урок/, это, однако, в принципе совершенно не исключает построения совершенно аналогичных конструкций, которые непременно содержат в себе фазисный глагол.

Естественно, аналогия довольно сильно дает почувствовать свое влияние и в кругу фазисных глаголов в том смысле, что целый ряд глагольных лексем, -- в соответствии с нормами современного словоупотребления, -- требует использования формы глагола несовершенного вида: привыкать -- привыкнуть, от-

выкать - отвыкнуть, приучать - приучить, отучать - отучить, учиться - научиться, надоедать - надоесть, наскучивать - наскучить, уставать - устать, избегать, понравиться, полюбить, разлюбить. Часть этих глаголов, как правило, выражает продолжительное действие /ср.: привыкать/; в том случае, если использовать форму их совершенного вида, то именно вследствие продолжительного процесса эти глаголы выражают достигнутый результат /ср. привыкнуть/. Наряду с этим целый ряд глаголов по смыслу легко причисляется к фазисным глаголам, ср.: понравиться, полюбить, где приставка по- выражает окончание действия, в то время как конструкции начать нравиться, начать любить или разлюбить и перестать любить указывают на начало действия.

Привлечение целого ряда новых единиц в сферу глаголов, обладающих фазисной семантикой, точно так же, как и развитие близких оттенков, сигнализирующих начало действия, и прочие другие причины, приводящие к чрезвычайно важным последствиям, позволяют сделать вывод о том, что в русском языке все более начинает распространяться употребление глаголов несовершенного вида. Из этого следует, что вышеупомянутые факты аналогии выступают не вследствие колебаний отдельных категорий, а скорее в результате системной конкуренции глаголов несовершенного вида, возникшей в системе глагольных видов.

В связи с этим стоит обратить внимание на то, что Р. Якобсон при перечислении категорий русских глаголов вид глаголов называет "квантификатором", очевидно по той причине, что в общей системе аспектов значительно возрос качественный характер их удельного веса. Если принять такое понимание проблемы, то глаголы, обозначающие начало действия, занимая место в один ряд с семантико-грамматическими фазисными глаголами, даже и в формальном отношении означают не что иное, как тот факт, что в русском языке возросла роль квантификации, что еще раз является доказательством количественного характера глагольных видов на современном этапе развития аспектов. В

противовес этому многие аспектологи подчеркивают относительный качественный характер глагольных видов.

3. Понятие видов глаголов мы можем лучше всего осветить таким образом, если исходить из того, что завершенный - незавершенный, результативный - нерезультативный, продолжительный - одноактный, единичный - повторяющийся способы действия /Aktionsarten/ выражают признаки действия, обозначают качество действия, в то время как глаголы совершенного и несовершенного вида являются терминами грамматических категорий, носителями значений отношений.

Чтобы понять сущность вышеназванных значений отношений, рассмотрим два цитируемых здесь следующих предложений:

Николай сказал: -- Эх вы, горе-повара! /Чехов. Мужики/

Ольга... говорила: -- Бог милости прислал!

Оба высказывания прозвучали в одинаковой ситуации, то есть кто-то начал говорить, делает замечание, которое не является добавлением к раннему высказыванию и не является отправным пунктом нижеследующего высказывания. Следовательно, оба сообщения как действие можно квалифицировать одинаково, поскольку они совпадают даже и по своей продолжительности. Оба сообщения прозвучали только один раз, и оба являются единичными действиями, ни одно из них не повторяется вновь.

С точки зрения говорящего /писателя/ оба сообщения представляют собой законченное действие, поскольку, с одной стороны, цитата содержит целое сообщение, а с другой стороны -- оба сообщения -- по отношению к речевой ситуации писателя -- предвременны / = в прошлом /.

С точки зрения результативности оба сообщения также являются равноценными: произошла коммуникация и, таким образом, имеется результат, а именно: одно сообщение не имело конкретного результата, ведь оба сообщения содержат только замечание.

В отношении внутренних пределов оба действия также явля-

ются одинаковыми, то есть оба сообщения имеют начало, процесс и конечную точку.

Но несмотря на все вышеперечисленные совпадения для обозначения одного и того же "действия" /высказывания/ писатель в одном цитированном предложении употребляет форму совершенного вида глагола, а в другом -- форму несовершенного вида. Совершенно очевидно, что в этих двух конкретных случаях разграничение не может быть направлено на действие, так как оба действия по всем параметрам одинаковы. Однако, кроме ситуации, действия, мы можем опираться лишь на единственный фактор, -- на писателя, говорящего, который "отчитывается" своему читателю о ситуации, о действии. Третьего фактора нет. Если же писатель /говорящий/ решает, какую форму ему выбрать, тогда очевидно, что со своей стороны, он с помощью выбранной формы желает что-то выразить. Форма, таким образом, обязательно должна выражать какое-то отношение говорящего к действию. Какое же отношение может быть между говорящим и действием? Чтобы решить этот вопрос, проследим несколько таких конкретных действий, которые имеют начало, продолжительность и завершенность /конец/ и сравним значения их форм прошедшего и будущего времени:

шить платье -- сшить платье; -- megvarrta a ruhát /megvarrat egy ruhát/,

будет шить платье -- сошьет платье: ruhát fog varmi, megvarrja a ruhát, fog varmi egy ruhát -- magvarr egy ruhát,

читал роман -- прочитал роман: olvasott egy regényt -- elolvasott egy regényt,

будет читать роман -- прочитает роман: olvasni fogja a regényt -- elolvassa a regényt,

решал задачу -- решил задачу: foglalkozott a feladat megoldásával -- megoldotta a feladatot,

будет решать задачу -- решит задачу: foglalkozni fog a feladat megoldásával -- meg fogja oldani a feladatot.

Эти примеры ясно показывают, что глаголы совершенного вида означают выполнение действия в целом /в прошедшем и будущем времени/, в то время как глаголы несовершенного вида указывают только на то, что происходило между началом и окончанием действия.

Сообщение является передачей мысли говорящего путем языковых знаков. Формы совершенного и несовершенного видов глаголов, таким образом, обозначают мысли говорящего, предмет его внимания. И здесь раскрывается отношение между действием и говорящим. Говорящий в одной ситуации концентрирует свое внимание на действие в целом, а в другой ситуации - на процесс действия и направляет внимание слушателя, читателя.

Глагольный вид, таким образом, выражает отношение говорящего к данному действию, а точнее, сосредоточивает ли он внимание на действие в целом, наблюдает ли действие, видит ли говорящий перед собой действие /совершенный вид/, или же его кругозор охватывает тот отрезок действия, который проходит между его началом и окончанием /несовершенный вид/.

Если процесс действия выражен формой глагола несовершенного вида /напр.: я переписываю, я переписывал/, тогда говорящий находится как бы в струе процесса. Он не видит ни его начала, ни конца, и, следовательно, не может выразить этот процесс завершённым, целостным действием. В данном случае точку зрения говорящего можно сравнить с точкой зрения участника первомайской демонстрации. Этот участник вместе движется с толпой, он не видит ни начала демонстрации, ни ее конца. Если же мы выразим действие формой глагола совершенного вида /напр.: я переписал/, то говорящий словно бы стоит вне процесса, выраженного этим глаголом: вследствие этого процесс он рассматривает как единое целое. В этом случае позиция говорящего напоминает позицию людей, которые во время demonstra-

ции стоят на праздничной трибуне: они видят и начало и окончание демонстрации, так что демонстрация вызывает в них полное впечатление. Графически эти две формы вида можно изобразить следующим образом:

Несовершенный вид /в дальнейшем: НСВ/:

-----X-----
говорящий

как бы находится в самом процессе.

Совершенный вид /в дальнейшем: СВ/:

-----X-----
говорящий

находится как бы вне процесса, он его рассматривает в своей целостности.

Выводы относительно характера форм глаголов СВ и НСВ мы сделали, исходя из анализа форм СВ и НСВ таких глаголов, которые означают действия, характеризующиеся началом и окончанием. Вопрос состоит в том, действительна ли эта констатация для любого действия, которое может означать русский глагол. Ответ на данный вопрос даст анализ форм глаголов СВ, выражающих начало, комплексивность, состояние и бытие.

4. Только такое действие можно рассматривать в его целостности, у которого есть начало и окончание, то есть у которого имеются /временные/ внутренние пределы /ср.: сшить платье/, а также можно рассматривать такое состояние, не имеющего внутреннего предела, которое говорящий или другие обстоятельства помещают во временные рамки /пределы/, ср.: посидеть, проработать два часа. Без ограничения не существует глаголов СВ. Это так и есть. Однако ошибочно заключение, согласно которому сущность СВ состоит в ограниченности действия: дело в том, что граница является признаком действия, а НСВ и СВ глаголов -- грамматическая категория, выражающая с помощью грамматических средств отношение говорящего к

действию.

5. Исходя из вышеприведенного определения видов глаголов, легко можно вывести ошибочное заключение, по которому выбор формы глагольного вида зависит исключительно от субъективности говорящего. Однако дело обстоит далеко не так.

Во-первых, форма глагольного вида -- это один из элементов мысли говорящего, ее мозаичный компонент. А в этот мысленный образ не одинаково вписываются ни один из глагольных видов. Форма языкового выражения /материальная оболочка мысли/, можно сказать, рождается вместе с мыслью. То есть, это не самоволие говорящего, а выражающаяся, формирующаяся в его сознании мысль проводит выбор формы глагольного вида. /Даже и такие формы, которые, на первый взгляд, имеют одинаковое значение, как например, уже упомянутые сказуемые говорил - сказал, -- указывают на определенное различие в оттенках значения. Глагол говорила подчеркивает скорее то, как прозвучало замечание, а глагол сказал подчеркивает то, что прозвучало./

Однако, кроме этого, в направлении внимания говорящего, в определении формы глагольного вида играют роль и многие другие факторы. Перечислим здесь наиболее важные из них:

а/ Формы, выработанные /а также и невыработанные/ русским народом, например, действия, выраженные формами одновидовых глаголов, или пересказ ряда событий, произошедших в прошлом, в форме воображаемого настоящего времени;

б/ Образ мышления русского народа, который в ходе многовекового развития некоторые значения связал с определенными формами глагольного вида, например, запрещение выражается не + форма глагола НСВ, предупреждение -- не + форма глагола повелительного наклонения СВ;

в/ Различные временные отношения между действиями, протекающими в действительности /или в воображении говорящего/ и т.д.

6. В статье уже говорилось, что на основе новейших исследований глаголы СВ обозначают действие в своей целостности, как некое замкнутое, завершённое событие, в то время как глаголы НСВ в сравнении с этими особенностями ведут себя нейтрально, при этом не отрицая этих особенностей. Другими словами в этом случае обычно говорят о тотальном -- нетотальном виде глаголов. Эта теория имеет очень давние исторические предпосылки, однако более обширное и ясное изложение вышеупомянутой теории было проведено двумя советскими лингвистами -- Ю. Масловым и В. Бондарко. Но, по мнению одного нашего отечественного аспектолога, эта теория не оправдывает себя. Исследователь аргументирует свои выводы следующим образом: форма глагола писать не выражает тотальности, а глагол исписать выражает тотальность, и все же эти две формы глагола не образуют видовую глагольную пару. В этом случае речь может идти, очевидно, о недоразумении, ведь основой теории аспектуальности является требование, по которому видовую пару могут образовывать лишь два таких глагола, которые обладают одинаковым лексическим значением. Эту точку зрения поддерживает и Е. Кошмидер, когда пытается определить сущность аспекта с помощью двух возможных временных направлений одного и того же действия. Мало того, даже и наш, только что упомянутый аспектолог, когда сущность аспекта видит в том, что действующее лицо рассматривает то же самое действие /а также в коэссивной и постэссивной ситуации/, как и по мнению Ю. Маслова -- суть аспектуальной противоположности состоит в том, что говорящий может рассматривать то же самое действие /естественно в пределах трех типов: характеристика действия, образ мышления русского народа и границы развития языка/ в глобальности его происхождения. Глаголы писать - исписать -- это два глагола, они обозначают два различных действия, следовательно, и речи не может идти о том, могут ли они образовать видовую пару -- ни по одной теории, ни в том

числе, по теории тотальности - нетотальности. К этому добавим следующее: русские и иностранцы, говорящие на русском языке, не могут абстрагировать категорию глагольного аспекта от его значения; можно сказать, человек мыслит, имея в виду аспект, ему необходимо так мыслить. Вынуждает его так поступать современное состояние языка, потому что любой глагол и любая форма глагола -- наряду с прочими значениями -- несут в себе также значение аспекта. И, таким образом, из природы категории аспекта следует, что совокупность форм русских глаголов разделяется на две большие группы глаголов СВ и НСВ. Каждый глагол одной группы -- по своему аспекту -- противопоставлен каждому глаголу-члену другой группы. Из этого, однако, не следует, что любой член одной группы образует видовую пару с любым членом второй группы. Общеизвестно также, что видовые пары глаголов, имеющих несколько значений, не во всех своих значениях тождественны между собой. Достаточно сослаться лишь на один пример: обвинять -- обвинить. Но два таких действия, которые обозначают глаголы писать и исписать, не близки друг к другу более, чем два значения глагола заносить /ср.: занести -- заносить и занашивать -- заносить/ или действия, обозначенные глаголами забегать и забегать. /В образовании видовой пары вышеупомянутых глаголов они стоят далеко друг от друга, как, например, два любых глагола различного аспекта, см.: глаголы писать -- увидеть/. Основу недоразумений, очевидно, составляет то обстоятельство, что не делается разграничения аспектов от способов действия, а это является сутью всех аспектологических теорий. Что же касается противопоставления коэссивной и постессивной ситуаций тотальности - нетотальности, ошибочной отправной точкой исследователей является то, что коэссивная и постессивная теория видит в аспекте выражение отношения действующего лица к действию, в то время как по теории тотальности - нетотальности аспект выражает отношение говорящего к действию. Из значения тотальности - нетотальности следует постессивная-

коэссивная ситуация действующего лица, но постэссивная-коэссивная ситуация действия не приводит /или необязательно приводит/ к тотальности - нетотальности. Следовательно, если какой-либо исследователь признает, что глагол писать выражает тотальность, а глагол исписать -- нетотальность, то в этом случае, собственно говоря, он отрицает свою собственную теорию, поскольку признает, что аспект выражает отношение говорящего к действию. Наш аспектолог заблуждается также и с логической точки зрения, когда к сторонникам теории тотальности - нетотальности он применяет следующий силлогизм: члены видовой пары находятся в отношении тотальности - нетотальности; глаголы писать -- исписать находятся в отношении тотальности - нетотальности, следовательно, глаголы писать -- исписать образуют глагольную, а также аспектуальную пару. Из этого ошибочного силлогизма действительно следует точка зрения вышеупомянутого аспектолога: поскольку конклюдия противостоит действительности, то, следовательно, теория тотальности - нетотальности ложная. Нам вновь необходимо подчеркнуть, что здесь, по крайней мере, речь идет о добронамеренном, невинном заблуждении, так как отправная точка теории тотальности - нетотальности, как впрочем, и других теорий аспектуальности, следующая: аспектуальную пару образуют две такие глагольные формы, которые совпадают во всем, но в отношении тотальности - нетотальности являются противоположными. Иными словами, аспектуальную пару образуют два таких глагола, которые имеют одно и то же лексическое значение, но с точки зрения тотальности - нетотальности они являются различными, противоположными. Бесспорно, что со стороны нашего аспектолога, первая премисса заключений, выведенных сторонниками теории тотальности - нетотальности, является ложной, она не соответствует действительности и, таким образом, оказывается ошибочной и конклюдия, которая диаметрально противоположна основам теории аспектуальности и противостоит так-

же и точке зрения последователей теории тотальности - нетотальности. В соответствии с отправным силлогизмом отечественного аспектолога и на основе теории тотальности - нетотальности, аспектуальную пару образуют два таких глагола, которые имеют одно и то же лексическое значение, но в отношении значения тотальности - нетотальности они противоположны. Но поскольку глаголы писать -- исписать по своему лексическому значению различны, -- они заведомо не могут образовывать аспектуальную пару. Следовательно, в том смысле, какие глаголы в русском языке образуют пары, аспектуальные пары, обе теории различий не показывают.

7. Как мы видели, понятие "завершение" /конец/ предполагает, но не содержит в себе понятия "начала" и "процесса", в то время как понятие "целое" не только предполагает, но и содержит в себе понятие "части", -- в данном случае речь идет о понятии "начала", "процесса" и "конца".

Вопрос теперь состоит в доказуемости следующего: может ли означать какой-нибудь глагол СВ завершенность, не охватывая при этом начала и процесса? Контекст определенного рода доказывает это. Например:

а/ Я читал книгу так долго, пока не прочитал ее;

б/ Я уже купил тот дом, который я покупал вчера.

Форма глагола СВ обозначает "целое" действие, то есть она предполагает и начало, и процесс. Поэтому мы считаем, что в предложении: "Как только /когда/ я прочитал его письмо, он звонил мне" -- глагол прочитал выражает действие "в целом" /все действие/, т.е. я прочитал письмо/до конца!/. Но если в контексте глагол СВ может быть заменен соответствующей формой глагола НСВ, тогда получим следующее высказывание: "Когда я читал его письмо, он звонил мне". В этом случае различие между значениями форм СВ и НСВ состоит всего лишь в том, что в форме глагола СВ выражается завершенность действия /начало и

процесс действия выражаются также и в форме глагола НСВ/.

Определение завершенности действия зависит от цели действия: "Когда я прочитал газету, я шел спать" /miután elolvastam..., végig olvastam.../

В связи с этим необходимо упомянуть и о так называемых антитерминативных /т.е. не связанных с целью/ действиях. В таких случаях, по мнению одних исследователей, действие выражает прерывистость, что является, однако, спорным, поскольку здесь идет речь об Aktionsart /сидеть -- посидеть/, а не о глагольном виде, не об аспекте.

В относительных придаточных предложениях форма глагола СВ однозначно выражает завершенность действия, в то время как форма НСВ может выражать как завершенность, так и процесс. Так, например, употребление формы глагола НСВ в предложении: "Он ничего не знал о письме, которое я писал тебе" -- является единственно правильным в том случае, если действие не завершено /... которое я тогда как раз писал/, и все же такое употребление двусмысленно, потому что эта форма глагола может быть употреблена и в том случае, если написание вышеупомянутого письма уже завершилось /... которое я "на"писал моей тете/. Конечно, употребление формы глагола СВ /написал/ придало бы значению глагола полную однозначность.

В некоторых контекстах может быть использован лишь глагол НСВ, хотя в других контекстах действие может считаться и завершенным. Например, предложение: "Играли /передавали/, исполняли "Русалку" с точки зрения действия является двусмысленным. /"сы"грали или именно в тот момент играли/.

8. Как известно, не каждый глагольный аспект имеет пару, поэтому данную проблему можно было бы развивать дальше, но сейчас мы оставим ее в стороне, и только проиллюстрируем ее на одном примере: "Он не знал ничего о кошке, которую мы имели /... amely nekünk "még" meqvolt; или: amely nekünk meqvolt, а также:

которая в момент незнания еще была
которой в момент незнания уже не было.

Здесь встает вопрос: верно ли считать глаголами НСВ те глаголы, у которых нет формы СВ и, таким образом, они пригодны как для обозначения завершенного, так и для обозначения процессуального действия. Наверное, правильнее было бы в этом случае говорить -- в противоположность обычному толкованию -- о глаголах, имеющих двойной аспект.

Как видим, определение сути русских аспектов, их употребление являются чрезвычайно трудной задачей. Не случайно заметил В.Г. Белинский: "Виды составляют краеугольный камень здания русских глаголов". Абсолютные дефиниции, как мы уже ссылались на это, -- редки и относительны. Можно ли, например, сказать, что процессуальное действие выражается лишь формой глагола НСВ? Нет! Что же касается "всего" действия, то есть границы завершения действия, начало действия также может рассматриваться как целое, на что также мы уже ссылались в данной работе. Одним словом, глаголы СВ всегда имеют определенное значение /начало-продолжительность-конец/, а глаголы НСВ на это не указывают.

9. Венграм, изучающим русский язык, главным образом, следует учитывать то, что перед глаголами СВ нельзя употреблять глагольную связку в будущем времени, то есть нельзя сказать 'я буду написать тебе письмо'.

Поскольку аспект является грамматической /а, по мнению некоторых исследователей, морфологической и синтаксической/ категорией, sine qua non аспекта тождественно /или, по крайней мере, приближаются друг к другу/ лексическому значению. /Разумеется, имеется и такое мнение, согласно которому аспект в равной мере является как грамматической, так и лексической категорией./ Если же, однако, от аспекта отграничим способы действия, -- а по-другому, на наш взгляд, поступать невозможно, -- то эта констатация опровергает себя.

10. Все ученые выражают согласие в том, что глагольный аспект НСВ является славянским нововведением, потому, что в других индоевропейских языках соответствующие девербативы при действиях не образуют дистинкции процесс-завершенность.

11. При изучении материала по данной теме, опираясь на собственный опыт, естественно, многое еще можно было бы говорить о глагольных аспектах. Мы не стремились к полноте изложения темы. В заключение, однако, позволим сделать несколько замечаний. Об аспектах мы можем говорить лишь в том случае, если от формы глагола СВ путем суффиксации можно образовать форму глагола НСВ, например, переписать -- переписывать, а также -- в случае супплетивных образований, например, брать -- взять. Последний случай уже оспаривается многими лингвистами. Если перед глаголом поставить префикс, то этим способом выражается либо новое явление действительности, например: строить -- устроить, либо возникают новые Aktionsart, либо такие глаголы, которые отличаются от основных глаголов не в том, что выражают какое-то новое, реальное явление, а в том, что они по сравнению с основными глаголами выражают другие оттенки их лексических значений, например, строить -- построить, смеяться -- засмеяться. Если все это учитывать в процессе обучения, то будет означаться, что т. наз теория "пустых" предикатов /Ю. Маслов/ несодержательна /см.: делать -- сделать/, и, как мы уже говорили, строго следует отделять аспекты от способов действия. И все же остается множество спорных вопросов, хотя некоторые из них уже упоминались в данной работе. Отметим их еще раз: какая семантическая противоположность соответствует противоположности форм НСВ и СВ? В чем заключается суть аспектуальной пары? Являются ли различные глаголы членами аспектуальной пары, или же они только грамматические формы одного и того же глагола? Способы образования аспектов, их системати-

зация, какова ситуация с т.наз. глаголами движения, перемещения и т.д. и т.п. Несомненно, виды русских глаголов нуждаются в дальнейших исследованиях, так как где мы найдем такой язык, который так прекрасно мог бы выразить суть видовой системы русских глаголов, как следующее предложение: "Колумб был счастлив не тогда, когда открыл Америку, а когда открывал ее". /В. Виноградов, 497/.